

такой семантикой *hapaх legomenon доужебоу* может быть понят как термин, обозначающий либо денежный штраф, либо разновидность преступления. Оба значения выводятся из значения ‘сила’, которое устанавливается для корня *dug-* в результате сравнительной реконструкции. Автор показывает, что древнерусское законодательство апеллировало к понятию ‘сила’ при побоях, однако в других памятниках использовался термин *вѣкъ*. Тот факт, что и *dug-*, и *вѣк-* означали ‘сила’, позволяет интерпретировать *доужебоу* как еще один термин для ‘штрафа за силу’, платежа за нанесение ущерба ‘силе’ жертвы.

Проведенный автором анализ очень тщателен, и предложенная им интерпретация слова *доужебоу* представляется убедительной; тем самым основное предположение автора в целом должно быть признано высоковероятным.

№ 877 (2 четв.– сер. XII в.; Б 22) [3]. С не засвидетельствованным в других источниках словом *дикатыи* ‘дикий’, ‘диковатый’ (в выражении *дикати людѣе*) связана та трудность, что суффикс *-ат-ый* как правило присоединяется к основам существительных, а не прилагательных (ср. *усатый, рогатый* и т. п.). Примеры типа *сѣдатый*, образованные от адъективной основы, чрезвычайно редки. Поэтому полезно указать еще один пример этого рода, сверх отмеченных в ДНД₂ (с. 316): *рыжѣтый* ‘рыжий’ (СРНГ, 35: 304, с пометами Новг., Вост. Прибайкалье).

№ 887 (сер. XII в.) [Г]. Вопреки сказанному в издании, фрагменты поддаются разделению на слова: на обеих сторонах берестяного листа была написана молитва: *Г(оспод)и помози рабоу своему (такому-то)*. На одной стороне сохранилось: *(помози) раб(о)у свое(моу)*, на другой: *[р](а)[в]оу с(воемоу)*.

№ 909 (кон. XI – нач. XII в.; А 9) [3]. В 3-й строке в имени *Т[е]--лтѣ* на новой фотографии видно, что от верха мачты третьей буквы вправо отходит слабая петелька, которая может принадлежать букве *р* или *в*; ср. в этой грамоте *р* с очень маленькой головкой в слове *зривны*. Тем самым должно быть признано чтение *Т[ерд]лтѣ*, которое оказывается аналогом написанию *млви* в № 952.

Ст. Р. 35 (20-е–50-е гг. [предпочт. 30-е–40-е] XII в.; Б 34) [3]. Что касается отсутствия йотации в форме *аесово*, то полезно отметить, что вариант *аице* (без йотации) отражен в Срезн. и СДРЯ (а именно, он встречается в Остромировом евангелии, в Ефремовской кормчей и др.).

Смол. 9/8 (кон. XII – нач. XIII в.; Б 137) [3]. Новая прорись грамоты Смол. 8, изготовленная Варварой Солдатенковой, показала, что в конце автор сперва написал *ажеси* (с правильным ритмом букв), а потом втиснул между *ж* и *е* букву *о* (именно *о*, а не *е*). Таким образом, следует читать: *ажо еси*.

Смол. 12 (сер. XII в.; Б 41) [3]. Для реконструкции *оже хъчеши пѣ (м)ъне* ср.: *хотѣль быхъ дати оуб(о)гымъ, но не имѣю ни злата, ни сребра, ни иного ничего же лежаща изобила, и аще бы по мнѣ, не гнѣвалса быхъ ни на кого же* (ЖАЮ, 376).

Твер. 5 (кон. XIII – нач. XIV в.; Г 41) [Г]. В работе (Гиппиус, Схакен 2011) предложена трактовка грамоты, в следующих моментах отличающаяся от принятой в ДНД₂. Во-первых, в двух случаях, для которых А. А. Зализняк оговаривает возможность альтернативного чтения, мы отдаем этой альтернативе предпочтение. Фрагмент, переданный в ДНД как *атѣ [ѣ]но сотѣсываѣте* ‘пусть даже он стесывает’, мы читаем (следуя предложению В. Л. Янина): *а тѣсно сотѣсываѣте*, предполагая здесь гапакс *тѣсно* ‘затес’. Слово *бортникъ* (записанное с ошибкой: *бортикъ*) мы, вслед за Т. В. Рождественской, переводим как ‘бортник’ (а не как ‘борть’); соответственно, *окралоса* трактуем не как пассив (‘обокрадена’), но как форму активного залога, сопоставляя этот глагол с современными *описаться, оговориться, оступиться*, обозначающими действия, совершенные